

Купиш Дариуш

доктор истории, Институт Истории в Люблине, Польша

ЭХО «СМУТЫ» В ПОЛИТИКЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К МОСКВЕ В ГОДЫ СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ, 1632–1634 гг.

В сентябре 1632 г. московские войска начали военные действия. Этот конфликт, получивший название Смоленская война, тянулся до июня 1634 г. и закончился выгодным для Речи Посполитой мирным договором, заключенным на реке Полановка. Это было первое, от времени деулинского перемирия (1619), вооруженное столкновение между двумя странами, поэтому во время войны припомнились былые претензии, корни которых происходили со времен «Смуты». Достаточно упомянуть, что главной целью Кремля являлось возвращение утраченных в те времена территорий, а избранный королем Владислав IV Ваза претендовал на московский престол. Целью этой статьи является показание значения ссылок на период «великой смуты», появившихся в политических отношениях между Речью Посполитой и Москвой в 1632–1634 гг.

В последние годы царствования Сигизмунда III в Речь Посполитую приходили вести о московских военных приготовлениях и обмене посольств между Михаилом Романовым и Густавом Адольфом. В 1632 г. сейм принял конституцию «О Москве», позволяющую польским и литовским гетманам увеличить армию и обеспечить безопасность пограничных замков (Seredyka J. Rzeczpospolita w ostatnich latach panowania Zygmunta III (1629–1632). Opole, 1978. S. 172–173; Wisner H. Litwa po zgonie Zygmunta III. Od zjazdu wileńskiego do konwokacji warszawskiej. «Rocznik Białostocki». T. 15. 1981. S. 44–47). Конституция была реализована лишь частично, а после смерти Сигизмунда III, в период междуцарствия, шляхта совсем потеряла веру на скорое начало войны. Когда в Варшаву в октябре 1632 г. дошли вести о походе царской армии на Смоленск, сначала никто не хотел в это верить. Лишь письма от воеводы смоленского Александра Гонсевского и гетмана Кшиштофа Радзивилла встревожили депутатов и сенаторов, собранных на элекционным сейме. В итоге депутаты доверили заботы по

обеспечению безопасности границ новоизбранному королю Владиславу IV Ваза, а дискуссии на тему войны с Москвой оставили до времени коронационного сейма (Radziwiłł A. S. Pamiętniki. T. 1. Oprac. A. Przyboś, R. Żelewski. Warszawa, 1980. S. 182, 233; Lipiński W. Działania wojenne polsko-rosyjskie pod Smoleńskiem od października 1632 do września 1633 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. T. 5. 1932. S. 165; Kaczorowski W. Sejmy koronacyjne i elekcyjne w okresie bezkrólewia 1632 r. Opole, 1986. S. 282–284).

Позиция подавляющего большинства польской и литовской шляхты сводилась к соглашению на финансирование армии, задачей которой являлось остановить московскую экспансию и защитить восточные рубежи Речи Посполитой, а также к требованию заключения мира. Сенаторы пытались побороть эти антивоенные настроения. Во время коронационного сейма, который проходил в феврале и марте 1633 г., почти весь сенат решил, что без решительных военных действий не сможет заставить Москву согласиться на постоянный мирный договор (Szczerbik Z. Sejm koronacyjny Władysława IV w 1633 roku. Kluczborck, 2001. S. 75–77). Естественно, речь шла о том, чтобы убедить палату депутатов к утверждению максимальных налогов. Некоторые депутаты вспоминали также польские военные триумфы времени «большой смуты». «Еще наши сабли не высохли от московской крови, и раны не у всех еще исцелены», — доказывал гетман Станислав Конецпольский и не скрывал радости, что бог при помощи войны дает королю возможность наказать лжесвидетелей. В том же духе говорил канцлер Якуб Задзик (Люблинская Публичная Библиотека им. Иеронима Лопацинского. *Рукопись*. 1464. К. 334–337v; Sobieski J. Diariusz sejmiku koronacyjnego w Krakowie w 1633 roku. Oprac. W. Kaczorowski. Opole, 2008. S. 95–103).

Миколай Лигенза, один из кастелянов, вспоминал осаждение поляками столичной Москвы, а также арест и препровождение в Варшаву царя Василия Шуйского. Он был уверен, что поддержка этой войны Речью Посполитой позволит королю одержать триумф, особенно в случае «если бы наше войско направилось прямо в Москву». Походом на Москву Владислав IV Ваза, по мнению Лигензы, успел бы «доверить свои планы» (Pisma Mikołaja Ligęzy, kasztelana sandomierskiego. Wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1859. S. 16–17). Кастелян не объяснил подробно идеи короля, но несложно было догадаться, что целью являлся царский престол. Его речь была напечатана, что свидетельствует о том, что она была известна общественному мнению более, чем парламентские речи.

Неизвестно, было ли согласовано содержание выступления Лигензы с королевскими советниками, но оно, без сомнения, совпадало с планами Владислава IV, касающимися Москвы.

Коронационный сейм закончился согласно идеям короля, который предложил лично отправиться во главе армии в Смоленск, осажденный уже Михаилом Шеиным. Хотя и были избраны комиссары для мирных договоров, которые должны были сопутствовать польско-литовской армии, но вместе с тем были также утверждены налоги на содержание 23 000 солдат в течение 2 лет и разрешено, в случае необходимости, созвать чрезвычайный сейм. Владислав IV старательно подготовил экспедицию, сформировал полки по западноевропейскому образцу, сумел получить казацкое подкрепление и заручился обещанием татарской диверсии (Kupisz D. *Smoleńsk 1632–1634*. Warszawa, 2001. S. 125–130; Czapliński W. *Władysław IV i jego czasy*. Warszawa, 1976. S. 154). Официальной целью похода являлось освобождение Смоленска и изгнание московских войск от границ государства, но в случае благоприятных условий не исключался также поход на Москву, к которому призывал кастелян Лигенза. Поход рассматривался как в милитарном аспекте (быстрое урегулирование конфликта), так и в аспекте политическом.

Владислав IV помнил, что с 1610 г. имеет право на пост избранного великого князя московского. В период обязующего деулинского перемирия он не предъявлял своих претензий к царскому престолу, однако был готов использовать их в случае войны. В конце 1631 г., при посредничестве Бранденбургии, он пытался наладить переговоры с Густавом Адольфом. Надеялся, что после вспышки польско-московского конфликта шведский король поможет ему получить для династии Ваза третью (московскую) корону (Szelaḡowski A. *Układy królewicza Władysława i dysydentów z Gustawem Adolfem* // *Kwartalnik Historyczny*. Т. 13. 1897. S. 668–692). Как известно, Густав Адольф подписал договор с Россией, но в период междуцарствия Владислав официально восстановил титул избранного великого князя московского. Вероятно, с началом войны проснулись его давние мечты о царской короне (Godziszewski W. *Polska a Moskwa za Władysława IV*. Kraków, 1930. S. 11), хотя теперь сложно утверждать — серьезно ли он хотел бороться за ее возвращение или его претензии являлись лишь элементом дипломатической игры. В любом случае, уже в конце 1632 г. произошли события, которые повлияли на изменение планов короля. Смерть Густава Адольфа в сражении при Лютцене стала причиной того, что московские

проблемы он начал рассматривать в контексте восстановления шведского наследия династии Ваза.

Владислав IV во время разговора с нунцием апостольским Висконти говорил о планах занятия московского государства или, по крайней мере, его части с помощью бояр, недовольных правлением Михаила Романова. Он рассчитывал посадить на московский престол своего брата Яна Казимира и до такой степени укрепить польскую линию Ваза, что реальным будет восстановление шведского престола (Szelaḡowski A. Rozkład Rzeczy a Polska za panowania Władysława IV. Kraków, 1907. S. 58–59). В мае 1633 г. король велел своему посланнику, уезжающему в Рим, стараться получить политическую и финансовую поддержку апостольской столицы, обольщая папу римского нереальными надеждами обращения Москвы и Швеции в католическую веру (Kubala L. Jerzy Ossoliński. T. 1. Lwów, 1883. S. 73). Это было однозначное возвращение к планам, которых с занятием московского престола в период «большой смуты» не скрывал Сигизмунд III Ваза. Однако я думаю, что они оставались в сфере свободных идей, которые можно бы было конкретизировать в зависимости от развития ситуации на фронте.

Король, учитывая мнение шляхты, был вынужден постоянно подчеркивать, что целью похода его армии на восток является снятие осады Смоленска и принуждение Москвы к заключению мира. Это выражалось, например, в смоленском универсале от 8 октября 1633 г., который констатировал окружение лагеря Михаила Шеина польско-литовскими войсками (Kotłubaj E. Odsiecz Smoleńska i pokój polanowski. Kraków, 1859. S. 61). Однако монарх надеялся, что военные действия создадут благоприятные условия для выгодной ему политики постфактум. В этой категории помещался также рассматриваемый в октябре 1633 г. в кругу старших командиров и советников короля план разделения вооруженных сил — часть остается под лагерьем Шеина, а главная армия совершает поход на царскую столицу (Kupisz D. Smoleńsk 1632–1634. S. 174; Czapliński W. Władysław IV i jego czasy. S. 104). Можно было его мотивировать желанием принудить руководство московского государства подписать трактат, что подчеркивал Владислав IV в своих письмах сенаторам, но возможное взятие Кремля обозначало де-факто завладение тронem. Это было ясно более опытным политикам. Некоторые из них, как гетман Станислав Конецпольский, радовались тому, что «позорно разгромлен вернется в должное королю подданство», другие не скрывали своего удивления (List S. Koniecpolskiego, obóz pod Żabińcami 5 XI 1633 // Korespondencja

Stanisława Koniecpolskiego, hetmana wielkiego koronnego 1632–1646. Oprac. A. Biedrzycka. Kraków, 2005. S. 181). Епископ Станислав Лубенский, который остался в стране, возражал: «я не был на этом совете и не слышал предложения, чтобы вместо защиты отечественных границ планировалось завоевать Москву» (Godziszewski W. Polska a Moskwa za Władysława IV. S. 11; Graczyk W. Stanisław Łubieński, pasterz, polityk i pisarz 1574–1640. Kraków, 2005. S. 293–294).

Временно этот план был оставлен, поскольку был он слишком рискованным, учитывая непобежденного еще Шеина и угрозу со стороны Турции. Вернулись к нему в конце 1633 г., в то время, когда часть королевской армии была отправлена из Смоленска на московский тракт, под Вязьму (в декабре 1633 г. Владислав IV сообщал королю Англии, что ожидаемая капитуляция Шеина откроет ему путь в глубину московского государства: Zbiór pamiętników o dawnej Polsce T. 3. Wyd. J. U. Niemcewicz. Lwów, 1883. S. 175; Kupisz D. Smoleńsk 1632–1634. S. 195–198). Во время переговоров о капитуляции царской армии под Смоленском офицеров Шеина и его самого упрекали в том, что московский престол принадлежит Владиславу IV, а Михаил Романов является узурпатором. В акте о капитуляции, подписанном 25 февраля 1634 г., находится знаменитый пункт, гарантирующий возможность «людям московской национальности» переход на сторону Владислава IV (Moskorzewski J. Diariusz wojny moskiewskiej roku 1634 // Biblioteka Ordynacji Krasieńskich. Wyd. A. Rembowski. T. 13. 1859. S. 81, 94; Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634. Oprac. M. Nagielski. Warszawa, 2006. S. 282; Radziwiłł A. S. Pamiętniki. T. 1. S. 357). Отсюда видно стремление найти сторонников Владислава IV среди русских, что, наверное, испугало бы Михаила Романова и одновременно доказало бы шляхте, что надежды короля получить московский трон весьма реальны. Даже канцлер литовский Альбрехт Радзивилл считал, что если бы Шеин «сдался вместе со своими и перешел на сторону Польши, это было бы очень выгодно для обеих сторон, так как король при помощи многотысячной армии и помощи своих подданных сможет захватить Москву силой, а неустойчивого князя поймать во время бегства или принудить его уйти с трона» (Radziwiłł A. S. Pamiętniki. T. 1. S. 372). 11 марта король покинул лагерь под Смоленском и направился со своей армией на Белую, провозглашая, что «имеет с собой значительную часть московского народа», а окончательной целью похода является Москва (List. A. Kazanowskiego, z obozu pod Smoleńskiem, 26 II 1634 // Relacje nun-

cjuszów apostołskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. 2. Wyd. E. Rykaczewski. Berlin; Poznań, 1864. S. 186).

В издаваемых во время войны поэмах, политических журналах и донесениях с фронта, особенно тех, которые касались информации на тему капитуляции Шеина, можно найти множество ссылок на пропаганду периода «большой смуты». Подчеркивались права Литвы на Смоленск, который был отобран царем Василием III в 1514 г. Вспоминались времена Димитриад, договоры с 1610 г., в результате которых царский престол передавался князю Владиславу, провозглашались обещания наказать предательскую Москву и завоевать новые территории. Писалось также о создании огромной политической и военной силы в результате заключения польско-московского союза, по образцу польско-литовского союза (Nowak-Dłużewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Dwaj Młodzi Wazowie. Warszawa, 1972. S. 17–23; Zawadzki K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku. T. 1. Wrocław; Warszawa, 1977. S. 104–116; Sprawa smoleńska. Z literatury okolicznościowej pierwszej połowy XVII wieku. Wyd. M. M. Kacprzak. Warszawa, 2006. S. 72–86). Якобы, по материалам одного из журналов, заключения такого союза требовали сами бояре, призывая 1 марта 1634 г. Михаила Романова отречься от престола в пользу Владислава IV (Nowiny z Moskwy albo wota traktatów i konsulty panów radnych ziemi moskiewskiej, które carowi swemu podali die 1 martii 1634. В. м., 1634. S. 2–8, 26–27).

Целью пропагандистских произведений и информации, которые провозглашали представители королевского окружения, являлось убеждение шляхты в возможности очередных успехов в войне с Москвой. Поверили этому даже некоторые сенаторы, считая, что король имеет открытый путь в глубину московского государства (писали, что после быстрого успеха появится возможность направиться по суше на Швецию) (например, епископ М. Фирлей: Godziszewski W. Polska a Moskwa za Władysława IV. S. 11; Moskorzewski J. Diariusz wojny moskiewskiej roku 1634. S. 122). Однако большинство шляхты волновалось из-за турецкой угрозы и истекающего срока мирного договора со Швецией. Шляхта требовала как можно более быстрого окончания войны с Москвой и сохранения завоеванных земель с периода Смутных времен. Очень выразительно высказал это епископ Станислав Лубенский, который требовал, не зная еще, что король направился на Белую, «чтобы не хотеть ничего, кроме того, что уже имеем в своих руках» (Библиотека Чарториских в Кракове. Рукопись 129. S. 62; Библиотека Оссолинских во Вроцлаве. Рукопись 157. К. 373v–374v:

Письма С. Лубенского с 11 III 1634 г. многочисленным сенаторам). Даже из королевского лагеря слышались голоса, призывающие к заключению мира, тем более что солдаты Шеина не перешли на сторону Владислава, московские города не открывали перед ним свои ворота, а крепость Белая остановила королевскую армию на несколько недель (Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej roku 1634*. S. 131; *Relacje nuncjuszów...* S. 186).

Король должен был понимать, что овладение царской столицей дело довольно непростое. Не удалось ему это как в 1612 г., так и в 1618 г., в то время, когда московское государство было истощено многолетним кризисом. Он фактически победил Шеина, но и польско-литовская армия была истощена войной, не хватало денег, а гетман Конецпольский предупредил, что турецкая армия концентрируется под Константинополем (Kupisz D. *Smoleńsk 1632–1634*. S. 217). По моему мнению, Владислав IV отправился на Москву не столько с целью взятия этого города, сколько с целью принуждения царя к быстрым переговорам.

30 апреля 1634 г. обе стороны начали переговоры над рекой Полановка. Здесь нет места для более широкого исследования этих переговоров, достаточно упомянуть, что они происходили в атмосфере взвизных претензий со времен «большой смуты». Вопрос, касающийся прав короля на московский престол, являлся элементом переговоров. Польские комиссары понимали важность этого вопроса для московской стороны и уже в начале предложили боярам свергнуть Михаила Романова с престола и передать трон одному из королевских братьев. Потом Владислав IV, вместо отказа от царских званий, потребовал некоторые московские замки, но окончательно согласился на компенсацию в размере 20 000 рублей (Wisner H. *Władysław IV Waza*. Wrocław; Warszawa, 1995. S. 74–75; Соловьев С. М. *История России с древнейших времен*. Т. 9. М., 1961. С. 174–177).

По желанию короля, 23 мая польские комиссары представили боярам предложение заключить польско-московский союз, совпадающий с планами, предлагаемыми в 1600 г. во время миссии канцлера Льва Сапегы в Москву, и еще потом несколько раз во время «большой смуты». При этом вспоминались общие христианские и славянские корни, с ожиданиями военного союза, строительства общего флота на Балтийском море, свободной деятельности купечества, службы подданных на дворе, заключения браков, свободы образования молодежи, строительства церквей и костелов. Наиболее сложной проблемой являлся вопрос занятия трона. Было принято решение, что в данный момент каждая страна сохранит отдельного правителя, ограничиваясь подобной церемонией коронации. После

смерти короля на польский и литовский престол мог быть избран царь, а король примет кремлевский престол лишь в случае отсутствия царского наследника и после смерти царя. Окончательно бояре не согласились на союз, и учитывая проигранную войну, это не казалось неожиданностью. Несмотря на это, Владислав IV не терял надежды, что в будущем сможет переубедить Москву как союзника против Швеции, соглашаясь отказаться даже в поляновском договоре от некоторых территорий (Серпейск) (Godziszewski W. Polska a Moskwa za Władysława IV. S. 13–17; Darowski A. Misja dyplomatyczna w XVII wieku // Szkice historyczne. T. I. Petersburg, 1894. S. 248–248; Wisner H. Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1995. S. 91–94).

В 1632–1634 гг. Речь Посполитая в последний раз вернулась в своей политике к многочисленным вопросам и проблемам со времен Смутного времени. Шляхта вспоминала давние военные успехи в войнах с Россией, но была вполне довольна сохранением установленной тогда границы и не поддавалась пропаганде экспансии. Зато король в последний раз представил свои претензии на московский престол. По моему мнению, он относился к ним все-таки как к инструменту политической игры. Он полностью не отвергал возможности захватить Москву при благоприятных условиях, но очень быстро признал свои планы нереальными, а свои претензии считал элементом, который поможет ему приобрести сторонников в усилиях вернуть шведское наследство.

Ключевые слова: Смоленская война, польско-московский союз

Information about the article:

Author: Kupisz Dariusz, Doctor of History, Institute of History, Lublin, Poland.

Title: Echo of the Time of Troubles in policy of Rzeczpospolita against Moscow during the Smolensk War, 1632–1634.

Summary: The report is devoted to the different aspects of the history of so called Smolensk War, 1632-1634.

Key words: Smolensk War, alliance between Poland and Moscow